

И. М. ХАВКИН

ЭТА ЗАГАДОЧНАЯ ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ
С НЕПОЛНОТОЙ БУМАЖНЫХ
ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

И. М. Хавкин

**Эта загадочная двуязычная
лексикография. Полемические
заметки о том, что делать
с неполнотой бумажных
двуязычных словарей**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273196

ISBN 9785447497668

Аннотация

Достаточен ли двуязычный словарь для полного понимания исходного текста? Не пора ли хотя бы частично пересмотреть принципы составления словарей с учетом практических нужд перевода? Как восполнить неизбежные пробелы? Какие источники нужны для этого? Об этом размышляет автор, сопровождая свои рассуждения примерами на материале английского и французского языков. Книга может послужить практическим пособием для начинающих переводчиков и всех интересующихся литературой на указанных языках.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая.	10
Теоретические работы по лексикографии и практика перевода	12
Публикации, посвященные практическому переводу, и реальная работа переводчиков	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Эта загадочная
двуязычная лексикография
Полемические заметки
о том, что делать с
неполнотой бумажных
двуязычных словарей
И. М. Хавкин**

© И. М. Хавкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Чем продиктована необходимость в предлагаемых вниманию читателя заметках? Лучше всего было бы начать с выводов, чтобы читателю не приходилось гадать, о чем это печется автор. Но ведь выводы пишут обычно в конце публикации, иначе – из чего выводы?. Хорошо, назовем их введениями, или кратким содержанием, или тезисами – суть от этого не изменится, главное, чтобы была понятна озабоченность автора сложившейся ситуацией. Итак, приступим.

1. Проблема неполноты двуязычных словарей общеизвестна и признана всеми.
2. Публикаций, посвященных конкретным практическим путям глобального решения этой проблемы, явно недостаточно, а работ, где бы содержались примеры на материале какого-либо другого языка, нежели английский, не говоря уже о двух и большем количестве языков, найти вообще не удалось.
3. Указанная неполнота – не случайность и не чей-то злой умысел, это вполне естественное и закономерное явление.
4. Применительно к практической работе с иноязычными текстами неполнота словарей не просто досадное неудобство, а величайшее зло, ведущее к непониманию сказанного и к грубейшим ошибкам в переводе и вообще интерпрета-

ции прочитанного обычным пользователем, не специализирующимся в переводе.

5. Теоретические изыскания в области двуязычной лексикографии, которые, несомненно, имеют большую ценность *per se* (для тех, кто имеет необходимую подготовку), ни на йоту не приближают к решению проблемы – об этом знают поголовно все имеющие дело с иноязычными текстами, и особенно те, кому в ходе редактирования чужих переводов постоянно приходится сталкиваться с регулярно повторяющимися ошибками одних и тех же типов.

6. Один из самых невероятных парадоксов состоит в том, что и многие крупнейшие авторитеты в области обучения практическому переводу, и даже сами некоторые высококвалифицированные переводчики, несмотря на самоочевидность положений, высказываемых ниже, по каким-то неизвестным причинам не видят в рассматриваемой ситуации особой проблемы, а иногда даже активно возражают против поиска выхода из тупиковой ситуации.

7. Подход автора состоит в простом и эффективном способе восполнения указанных пробелов. Предлагаемые меры, конечно же, являются лишь паллиативом, но автор надеется, что его предложения не только не принесут пользователям никакого вреда, но и дадут хотя бы минимальную пользу. Этот подход предусматривает, в общих чертах, следующие шаги:

а) фиксировать любые найденные в самых различных ори-

гинальных источниках (случайно и/или в результате целенаправленного поиска) слова, отдельные значения слов, словосочетания либо в собственных глоссариях с последующим их изданием, либо в уже существующих регулярно пополняемых изданиях типа онлайн-словарей Lingvo [30], с обязательным приведением иллюстративных фрагментов оригинального текста, содержащего данную лексическую единицу, с тем чтобы подтвердить для пользователя правомерность использования предложенного переводного эквивалента;

б) обращать внимание теоретиков и практиков двуязычной лексикографии на «новые» (то есть ранее не отражавшиеся в самых распространенных бумажных двуязычных словарях) лексемы с целью решения вопроса о возможности/невозможности включения их на постоянной основе в последующие издания нормативных словарей;

в) при возникновении сомнений в целесообразности включения слова/значения в нормативный словарь руководствоваться следующими критериями:

подлежат неукоснительному включению те лексические единицы, в отношении которых доказаны их соответствие нормам языка, достаточная частотность и существенное отличие их значения (ий) от зафиксированного (ых) в существующих словарях (речь может идти не только о прочно укоренившихся, но еще не отраженных в словарях неологизмах, но и, например, о словах общеупотребительного узуса,

не попавших в словники по какой-либо случайной или субъективной причине, об иных значениях полисемичных слов и т. п., о чем детально говорится ниже под соответствующими рубриками основного корпуса настоящих заметок);

при наличии возражений специалистов-лексикографов против включения таких категорий новых слов/значений, включение которых в словарь будет признано нецелесообразным (чаще всего это может происходить с не учтенными в словарях довольно редкими синонимами уже имеющихся толкований, с редкими употреблениями «слишком окказиональных» значений распространенного слова, с отдельными специальными терминами, для которых еще неизвестна степень их адаптации к языковым нормам и т. п., о чем тоже детально ниже), *возможны другие решения*, помимо включения их в нормативные словари, и в частности, издание специальных «словарей-дополнений», «словарей новых слов» типа уже издававшихся ранее, либо всё-таки включение в нормативный словарь, но с обязательными пометами-оговорками типа «редко», «ошибочно», «не рекомендуется», «окказиональное значение».

Конкретные решения по восполнению пробелов существующих бумажных двуязычных словарей (и, в ряде случаев, электронных тоже, поскольку, если в них дан только переводной эквивалент, а его функционирование в реальной живой письменной речи не продемонстрировано, это то-

же следует считать пробелом) должны приниматься только совместными усилиями лексикографов-практиков, профессиональных переводчиков и лингвистов-теоретиков. Для облегчения принятия таких решений автор предлагает ниже, помимо общих рассуждений, приведенных в Части первой, множество конкретных наглядных примеров словоупотребления, разбитых на ряд рубрик по принципу стилистической принадлежности исследуемых слов (по нескольку самых наглядных таких примеров помещены под соответствующими рубриками Части второй, а значительное большее их количество – в Приложениях 1 и 2). Во избежание недоразумений совершенно необходимо повторить здесь, что *данная работа посвящена лишь словарям традиционного типа*. (Ниже, под соответствующей рубрикой Части первой, вскользь говорится и о проблемах современной корпусной лексикографии, но только в той части, которая касается использования параллельных корпусов как одного из источников пополнения бумажных словарей.)

Часть первая.

Основные положения

Для начала приведу по одному наглядному примеру на каждый из исследуемых языков, чтобы с самого начала была ясна ситуация, повседневно встречающаяся при работе с иноязычными текстами.

англ.

Возьмем предложение Provide care for our **avian** friends. Его словарный перевод (то есть «перевод, выполняемый только с опорой на словари, когда переводчик по тем или иным причинам лишён возможности использовать справочники, монографии, статьи, документы и консультации со специалистами» – см. ссылку на высказывание Б. Н. Климзо в работе [12] будет звучать так: «Позаботимся о наших **птичьих** друзьях». Не спешите смеяться – мы решим, смеяться нам или плакать, после того, как прочитаем ниже следующие рассуждения.

франц.

On ignore si ça pourrait avoir un effet **péjoratif** sur la santé. Словарный перевод: «Неизвестно, может ли это оказать **уничтожительное** действие на здоровье». Опять же, не торопитесь смеяться – см. выше примечание к английскому примеру. Переводить так, как надо, мы сейчас не будем. Давайте лучше

посмотрим, как с этой задачей можно справиться, пользуясь разными средствами.

Теоретические работы по лексикографии и практика перевода

*Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой...*
А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Приходилось ли Вам, дорогой читатель, задумываться над тем, почему взяточник и коррупционер попали в словники двуязычных словарей, а мздоимец с лихоимцем – нет? Может быть, эта вторая парочка не догадалась дать на лапу кому надо? Да, шутка получается, увы, грустная. Серьезные люди могут возразить: ясно почему, ведь первые два слова относятся к нейтральному пласту лексики, а вторые – явные архаизмы. А у меня сразу несколько возражений: 1. но ведь «коррупционер» – это неологизм, почему же его можно включать в словарь, а архаизм нельзя? 2. архаизмов в тех же словарях сколько угодно: «уста», «глас», «посему» и множество других, так чем же лихоимец-то провинился? 3. как бы то ни было, устаревшие слова очень часто, если не сплошь и рядом, употребляются в письменной и устной речи – когда для воссоздания колорита старины, когда с иронией, а бывает, и в том же смысле, что их «нейтральные» синонимы (вон возьмите хотя бы просторечное «аккурат»:

большинство журналистов уж и забыли, наверное, что есть выражения «точно» и как раз», остались только «успел аккурат к празднику», «приехал аккурат в этот город» и т. п.). А раз многие их употребляют, значит, и в словаре их не мешает отразить. Или как?

Вот именно об этом, и не только, пойдет речь в предлагаемых читателям заметках.

Вообще-то, эту Часть первую заметок можно было бы, наверное, назвать, в противоположность Части второй, где приводится разбор отдельных классов слов с иллюстративными примерами, «теоретической» (поскольку она посвящена общим положениям), если бы не одно серьезное препятствие. Дело в том, что автор этой работы не теоретик. Больше того, как будет видно ниже, он настойчиво проводит различие между теоретическим и прикладным подходами к рассматриваемой проблеме. Не следует, однако, думать, что его целью является непременно акцентирование некоего дихотомического противоречия. Ни в коем случае! Автор с глубочайшим пиететом и «белой завистью» относится к изысканиям ученых-лингвистов, полностью отдавая себе отчет в том, что их исследования приносят огромную реальную пользу понимающим в этом толк людям. Было бы верхом безумия и самонадеянности со стороны любого человека, имеющего лишь базовые университетские знания в теории лексикографии, опровергать положения авторитетных ученых. Упаси Бог, речь пойдет совсем о другом! Краеуголь-

ный камень всех последующих рассуждений – исследование ситуации, сложившейся в области перевода и, шире, вообще работы с бумажными двуязычными словарями, вследствие неизбежной неполноты этих словарей, выявление различий в отношении теоретиков и практиков к этой проблеме, а также краткое изложение рекомендаций тех и других в целях её решения. На основании длительного изучения проблемы складывается, к сожалению, впечатление, что теория и практика никак не пересекаются, имея еще меньше шансов сойтись, чем параллельные прямые. Возможно, имеет смысл провести здесь грубоватую аналогию с различием между с трудом перевариваемыми инструкциями администраторов интернет-сайтов и простым пошаговым описанием типа «Откройте такую-то страницу, нажмите такую-то кнопку...». Так и в нашем случае: если теоретики на понятном только их коллегам языке анализируют ситуацию, рассматривают её различные аспекты, смакуют каждый объект рассуждений и все его элементы, «облизывают» их со всех сторон, то переводчику надо всего-навсего найти нужное слово в словнике и его переводной эквивалент в правой части словарной статьи. Таким образом, если переводчик в поисках наиболее легкого пути отыскания нужных значений, которые отсутствуют в традиционных словарях, обращается к теоретическим исследованиям и не находит в них ответа, то вину за это не следует возлагать на теоретиков, занимающихся нужным делом в своей области, – виноват сам пере-

водчик, поскольку обратился не по адресу... Совсем другие задачи, другие критерии оценки успеха/неуспеха переводческой деятельности.

Ведь всем известно, что в числе инструментов, которыми пользуется переводчик и любой другой человек, работающий с иноязычным текстом, на первом месте стоит, конечно, словарь. Наблюдение достаточно тривиальное, но в свете нижеследующих рассуждений надо сказать об этом сразу, чтобы читатель проникся обеспокоенностью автора по поводу состояния дел в современной двуязычной лексикографии. Слишком ли это громко сказано или нет, можно будет судить после того, как я задам несколько риторических вопросов сначала по поводу ситуаций в других областях знаний и повседневной жизни, а потом буду постепенно приближаться к предмету данных заметок.

Для начала о музыке. Когда Сергей Яковлевич Лемешев или Лучано Паваротти выводили свои рулады, от которых замирали сердца чувствительных дамочек, думали ли подолгу эти великие певцы о «синкретическом и синтетическом сочетании музыки и слова», о котором детально говорится в Большом энциклопедическом словаре «Музыка», или же просто вкладывали душу и старались произвести впечатление на слушателя?

О точных науках. Гениальный Григорий Перельман доказал гипотезу Пуанкаре и продолжает заниматься теоретическими изысканиями в аскетических условиях, презрев быто-

вые удобства. Нужны ли его труды? Дикий вопрос – конечно же, нужны, но для тех, кто понимает... Вот я из школьного курса математики запомнил, к стыду своему, только таблицу умножения. Ко мне присоединяется и известный поэт XIX века Семен Яковлевич Надсон (тот самый, о котором Владимир Владимирович Маяковский писал в стихе «Юбилейное», обращаясь к Пушкину: «После смерти нам стоять почти что рядом: Вы на Пе, а я на эМ... Кто меж нами? С кем велите знаться?! Чересчур страна моя поэтами нища. Между нами – вот беда – позатесался Надсон. Мы попросим, чтоб его куда-нибудь на Ща!»): этот поэт писал в своих воспоминаниях, что изучать тригонометрию он не пожелал бы даже своему злейшему врагу коту Ваське. Так вот я и хочу спросить: уверены ли Вы в том, что крупные ученые, занимающиеся вопросами прикладной математики, например в области процессов управления гибким автоматизированным производством, хоть раз задумывались в своей повседневной деятельности о математических закономерностях самих по себе, которые исследует тот же Перельман? Есть большие сомнения...

Приближаясь потихоньку «к нашим баранам», поговорим о литературе. Сергей Александрович Есенин не только ничего не говорил специально о законах версификации – больше того, он допускал в своих божественных стихах такие построения, которые совершенно не вяжутся с грамматикой и синтаксисом русского языка («Близко, а, может, гдей-то

Плачет веселая флейта»; «Быть поэтом – это значит то же, Если правды жизни не нарушить, Рубцевать себя по нежной коже, Кровью чувств ласкать чужие души»). Нет, он не делал этого сознательно – просто не задумывался об этом, ему на это было, пардон, наплевать. И зачем нам соответствие правилам, если тот, кто умеет слушать, слышит музыку стиха? (У того же Маяковского про Есенина: «Вы ж такое загибать умели, Что никто на свете не умел».)

И, наконец, «еще теплее» – о собственно переводе. Когда Корней Иванович Чуковский в своей замечательной книге «Высокое искусство» с одинаковой силой воспевал прелесть талантливых переводов художественной литературы и безжалостно критиковал бездарные опусы недостаточно подготовленных переводчиков, – разве много там говорилось о том, например, что «художественный перевод есть особый способ межкультурной коммуникации, в основе которого лежит совершенно определенная система вербальных форм, несущих в себе...»? Разве думал об этих «вербальных формах» Михаил Юрьевич Лермонтов, перекладывая знаменитое гейневское *Sie liebten sich beide, doch keiner Wollt es dem andern gestehn...* и создавая бессмертные строки «Они любили друг друга так долго и нежно, С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной! Но как враги избегали признанья и встречи, И были пусты и хладны их краткие речи»? Или Самуил Яковлевич Маршак, который так душевно переводил Бернса («Ты меня оставил, Джеми, Ты меня оставил, На-

всегда оставил, Джем, Навсегда оставил»), — он что, поминутно сличал свои переводы с указаниями ученых литературоведов?!

Нет, господа, из всего сказанного выше заключить можно лишь одно: чистая теория нужна, очень нужна, но только самим теоретикам. Не нами сказано «Суша, мой друг, теория, везде, Но древо жизни пышно зеленеет».

Если вернуться теперь к нашим примерам, приведенным в самом начале этой Части первой (*avian friends* и *effet réjoratif sur la santé*), то чем конкретно поможет переводчику, например, постулат о том, что «синтаксически обусловленное значение слова вытекает из контекста» или «словарные толкования не дают исчерпывающих сведений о лексической семантике»? Да ровно ничем! Опытный переводчик быстро найдет нужный эквивалент самостоятельно. При этом он будет опираться в каких-то случаях на обыкновенный здравый смысл: значение «птичий» для прилагательного *avian* подойдет, может быть, в сочетаниях типа «птичьи повадки», «птичий скелет» и т. д.), но в более общем случае оно означает «относящийся к птицам», «имеющий какие-то черты, свойственные птице», а в данном конкретном случае надо перевести «**пернатые** друзья»; в других случаях он будет исходить из этимологии: на здоровье может быть оказано, конечно же, не «уничижительное» и не «пренебрежительное» действие, а, исходя из того, что прилагательное *réjoratif* происходит от латинского слова *rejo*, «худший»,

сравнительной степени прилагательного *malus*, «плохой», – только такое действие, которое приводит к ухудшению состояния, то есть «**негативное** (вредное, неблагоприятное, губительное, пагубное)» действие. Я не знаю, как перевели англофоны и франкофоны фамилию персонажа «Золотого теленка», Ухудшанский, но не буду удивлен, если окажется, что он фигурирует в переводе именно как, соответственно, *Rejorative/Réjoratif*. Но мы говорим про опытных переводчиков, а начинающим поможет только включение недостающих эквивалентов в нормативный словарь.

Публикации, посвященные практическому переводу, и реальная работа переводчиков

Мне скучно идти по алфавиту: А, Б, В, Г...
Я предпочитаю что-нибудь вроде А, Ъ, Й.
Из интервью,
взятого у режиссера Киры Муратовой

Выше я поднял тему соотношения «чистой» теории и «приземленной» практики. Справедливости ради надо упомянуть и о другой стороне дела – существуют ведь отнюдь не только теоретические изыскания, но и исключительно ценные труды таких авторитетных профессионалов в области практического перевода, как Д. И. Ермолович, Б. Н. Климзо, Г. Э. Мирам, П. Р. Палажченко, А. Н. Паршин и другие. Эти труды не только пользуются заслуженным успехом у практикующих переводчиков, но для многих являются прямо-таки настольными книгами. Однако у предлагаемых мной заметок есть капитальные отличия от работ упомянутых специалистов. Во-первых, мои рассуждения иллюстрируются примерами на материале не одного языка (понятно, что львиная доля исследований и практических пособий написана для знающих английский язык), а двух. Во-вторых, если труды указанных авторов рассчитаны на со-

стоявшихся профессиональных переводчиков и направлены на совершенствование, шлифовку их знаний, оттачивание их до алмазного блеска, а значит, построены на сложнейших примерах словоупотребления, которые вполне можно считать некими изысками в мире перевода, то мои заметки преследуют совершенно иные цели – я искренне желаю лишь одного: привлечь внимание как можно большего числа как профессионалов, так и рядовых пользователей бумажных двуязычных словарей общеупотребительной лексики (переводчиков, инженеров, экономистов, просто читателей иноязычной литературы) к проблеме неполноты этих словарей и усиленного восполнения их пробелов силами всех желающих, для чего предоставляю в распоряжение пользователей множество конкретных переводных эквивалентов, не зафиксированных в существующих словарях, и пытаюсь убедить всех сомневающихся в том, что усилия, за которые я ратую, – не прихоть графомана, а действительно крайне нужное дело. Проще говоря, если в солидных словарях в качестве примера приводится, допустим, редчайшее ранее не зафиксированное словоупотребление, встретившееся у какого-либо известного прозаика, то у меня другое: хотя окказиональных значений тоже достаточно, но подавляющее большинство примеров иллюстрируют использование самых распространенных, «обыкновенных» слов общеупотребительного узуса.

Так, обнаружив, что в англо-русском словаре нет переводных эквивалентов для какого-либо слова, которые с очевидностью следуют из прочитанных мною предложений (соответственно, We must learn to **master** the appetite of power's control over our hearts (**обуздывать** аппетит) и The police tried to **master** the protesters (**усмирить** протестующих), я тут же фиксирую для себя эти значения (о том, надо или не надо фиксировать их где-то для других пользователей и почему, мы поговорим позже).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.